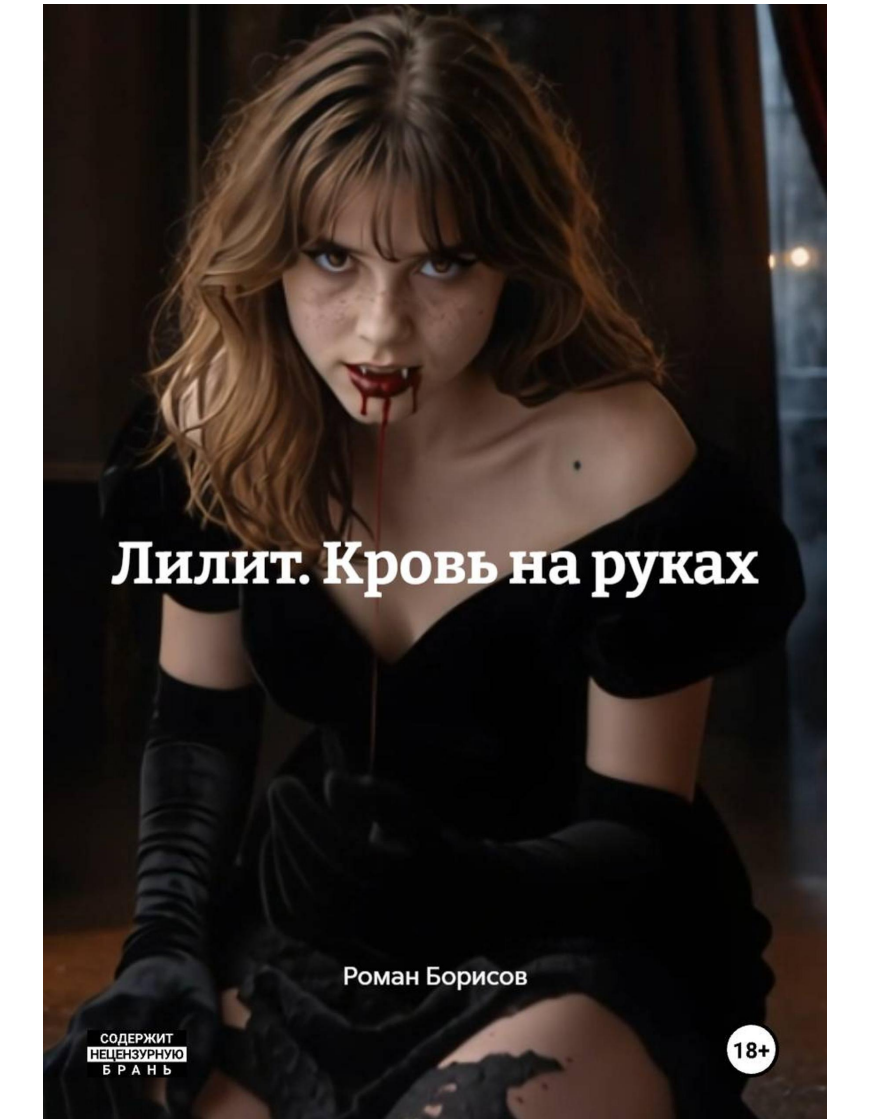

Лилит. Кровь на руках

Роман Борисов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Борисов

Лилит. Кровь на руках

<https://litres.ru/74491513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она родилась на грани двух миров — человек и монстр в одном теле. Её воспитал тайный орден, научил убивать и скрываться. Веками она охотилась на вампиров, которые убили её мать.

Но вампиры не исчезли. Они вернулись. Построили государство. Заполучили власть. И теперь они среди нас.

Она — единственная, кто может их остановить. Если не свернёт. Если не сломается. Если останется собой.

Тёмное фэнтези о сильной героине, которая борется не только с врагами, но и с собой. Для тех, кто любит мрачные миры, вампиров и истории о монстрах, которые выбирают свет.

Содержание

Глава 1: «Монстр»	4
Глава 2: «Рождённая из мёртвых»	7
Глава 3: «Воспитание»	12
Глава 4: «Семья»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Роман Борисов

Лилит. Кровь на руках

Глава 1: «Монстр»

Кровь была тёплой. Она всегда тёплая — в первые секунды. Потом остывает. Густеет. Превращается в тёмную корку на коже. Лилит знала это слишком хорошо. Веками знала. Но каждый раз, когда кровь касалась её губ, она чувствовала одно и то же: жажду. Не желание. Не голод. Именно жажду — как у человека, который ползёт по пустыне и видит перед собой воду. Только для нее вода, это — чужая жизнь.

Она стояла посреди гостиной. Дом был большой — двухэтажный, с резными перилами и семейными фотографиями на стенах. Теперь он был мёртвым. Как и все, кто в нём жил.

Трупы лежали везде. На диване — женщина. У камина — мужчина. На лестнице — двое, застывшие в позах отчаянной попытки убежать. Кровь залила паркет, впиталась в ковёр, забрызгала обои. Она была везде — на стенах, на потолке, на разбитой люстре. Дом тонул в ней.

Лилит стояла в центре этого ада. Её лицо было в крови. Чужой крови. Она стекала по подбородку, капала на пол, смешивалась с лужами, которые растекались под телами. Она провела языком по губам — привычка, от которой

она не могла избавиться. Металлический привкус. Железо. Соль. Жизнь.

Её клыки удлиннились сами собой. Она почувствовала, как они давят на нижнюю губу — острые, голодные. Вампирский оскал. Она видела своё отражение в тёмном окне — искажённое, залитое кровью, с глазами, которые светились в темноте, как у хищника. Она не узнавала себя. Но это было правильно. Это было честно.

Вот она я, — подумала Лилит. — Настоящая.

Она медленно обвела взглядом комнату. Четверо внизу. Трое наверху. Двое — в подвале. Может, ещё кто-то. Она не проверяла. Считать было незачем. Они уже мертвы. Как и все, кому не посчастливилось жить в округе в ближайших домах.

За окном выли сирены. Полиция, «скорая», пожарные — всё как обычно. Люди всегда приходят слишком поздно. Лилит знала это. Она и сама приходила слишком поздно слишком много раз.

Она подошла к камину. На полке стояла фотография — семья. Мужчина, женщина, двое детей. Мальчик лет десяти и девочка — совсем малышка, лет семи, не больше. Они улыбались. Они были живы, когда этот снимок сделали. Теперь они лежали на полу, обескровленные, с пустыми глазами.

Запах гари усилился. Пожар на первом этаже уже добирался сюда. Пора уходить.

Она уже собиралась уйти. Но еле уловимый звук остано-

вил её.

Тихий. Дрожащий. Едва слышный за воем сирен.

Плач.

Лилит замерла. Медленно повернула голову. В углу комнаты, за перевёрнутым креслом, среди кучи трупов и разбитой мебели, она увидела её.

Маленькая девочка. Та самая, с фотографии. Лет шести, не больше. Она сидела на полу, обхватив колени руками, и плакала. Она посмотрела на Лилит широко раскрытыми глазами. В них был ужас. Настоящий, животный, детский ужас.

Лилит смотрела на девочку.

Девочка смотрела на Лилит.

Вампирша сделала шаг вперёд. Медленно. Кровь хлюпнула под её ботинками. Девочка вздрогнула и вжалась в стену. Плач стал громче.

Лилит остановилась. Наклонила голову. Её клыки всё ещё были видны. Её лицо всё ещё было залито кровью. Её глаза всё ещё светились блеском охотника в темноте. Её сердце не ёкнуло, её сострадание не вызвало жалости.

Она думает, что я её убью, — подумала вампирша. — И она права. Я могла бы. Я хочу. Жажда всё ещё здесь. Она никогда не уходит.

Она провела рукой по лицу. Кровь размазалась. Стало только хуже.

Да, я монстр. Но прежде чем судить меня — узнайте мою историю...

Глава 2: «Рождённая из мёртвых»

Зима в тот год была злой. Даже для этих мест — глухих, забытых Богом и людьми, затерянных среди бескрайних лесов и замёрзших рек. Деревня называлась Тихвин — маленькая, дворов на двадцать, с церквушкой без креста и кладбищем, которое было больше самой деревни. Люди здесь жили тихо. Работали. Молились. Умирали. Никто не ждал чуда. Никто не ждал беды.

Бедя пришла ночью.

Она не стучала в двери. Не просила впустить. Она просто вошла — как хозяин, который возвращается в свой дом после долгого отсутствия. Тени скользнули между избами. Серый дым — густой, тяжёлый, неестественный — пополз по улицам, заползая в щели, в подпол, в лёгкие. Собаки замолчали. Дети замерли. Взрослые не успели проснуться.

Первым умер старик Прохор — он спал у печи, и его кровь впиталась в золу, смешалась с углями, зашипела. Потом — кузнец с женой. Потом — семья мельника. Потом — все остальные. Крики были, но их никто не слышал. Деревня стояла в стороне от трактов, от городов, от всего мира. Здесь можно было убивать долго. Здесь можно было пировать.

К утру Тихвин был мёртв.

В одной из изб, в самом конце деревни, у самой кромки леса, лежала женщина. Её звали Агафья. Ей было двадцать

шесть. Она была беременна — на последнем сроке, так что живот поднимался высоко, как холм, и она уже не могла ходить без поддержки. Муж её, охотник, ушёл в лес три дня назад — за дичью, за мехом, за чем-то, что могло прокормить семью зимой. Он не вернулся. Может, его убили вампиры. Может, он просто ушёл — почувствовал беду и сбежал. Агафья не знала. Она лежала на лавке, укрытая тулупом, и смотрела в потолок. Она слышала крики. Слышала, как замолчали. Слышала, как в её дверь скребётся что-то — тихо, настойчиво, как зверь.

А потом стало тихо.

Совсем тихо. Так тихо, что Агафья услышала, как бьётся её сердце. Как бьётся второе сердце — внутри неё. Ребёнок. Девочка. Она знала, что будет девочка. Чувствовала.

Агафья молилась. Она не помнила слов. Просто шевелила губами, глядя на икону в углу — старую, потемневшую, с ликом, который почти не разобрать. Она молилась о чуде. О том, чтобы ребёнок выжил. О том, чтобы кто-нибудь пришёл.

Она успела почувствовать, как внутри неё что-то толкнулось. Один раз. Слабый, едва уловимый толчок. Девочка. Она знала, что девочка.

А потом перестала чувствовать всё.

Её кровь уже не текла — вампиры выпили её до капли, оставив только сухую, сморщенную оболочку.

Но ребёнок не умер.

Она родилась через час после смерти матери. Сама. Без повитухи. Без крика. Без света — в комнате было темно, ставни закрыты, печь давно остыла. Она просто вышла — из мёртвого тела, из холода, из тишины. Маленькая, красная, сморщенная. Она не плакала. Она смотрела. Глаза были открыты — тёмные, почти чёрные, как у новорождённого зверька. Она лежала рядом с мёртвой матерью, в её крови, в её холоде, и дышала.

Её назвали бы Катериной, если бы Агафья выжила. Но она не выжила. И имя девочке дали другие.

Их было трое. Мужчины в тёмных плащах, с мечами на поясах и замысловатым символом на груди — мечом в окружности. Их отряды пришли через день после резни — не для того, чтобы спасти, а для того, чтобы убрать следы. Орден знал о Тихвине. Знал, что здесь может случиться беда. Но не успел.

Они вошли в последнюю избу — ту самую, у леса. Они ожидали найти очередной труп. Но нашли двоих. Мёртвую женщину. И живого младенца.

— Господи, — прошептал один из них. Молодой, лет двадцати, с гладко выбритым лицом и глазами, которые ещё не привыкли к смерти. — Она родила?

— Она умерла, — сказал второй. Старший. Седой, с шрамом через бровь. — А ребёнок выжил. Как?

Третий — молчаливый, широкоплечий, с руками, которые больше подходили для топора, чем для меча — подошёл

ближе. Он посмотрел на младенца. Тот лежал у мёртвой матери, в крови, в холоде, и смотрел на них. Не мигал. Не плакал.

— Это не человек, — сказал он тихо.

— Это ребёнок, — возразил молодой.

— Это не человек, — повторил широкоплечий. — Посмотри на его глаза. Посмотри на кожу. Она не покраснела от холода. Она не покрылась сыпью. Он лежит в крови мёртвой матери уже сутки — и жив.

Седой наклонился. Взял младенца на руки. Тот не сопротивлялся. Не плакал. Просто смотрел — внимательно, спокойно, по-взрослому.

— Она вампир, — сказал седой. — Или что-то похожее. Вампиры выпили кровь этой девушки. Но ребёнок выжил. Это значит...

Он замолчал. Посмотрел на младенца. Потом на своих спутников.

— Это значит, что возможно мы нашли выход. Боги услышали нас.

Её называли Лилит. Не в честь библейской демоницы — хотя, может быть, и в честь тоже. Седой, которого звали Радим, выбрал это имя, потому что оно звучало древне. Как что-то из забытых книг. Как что-то, что не должно существовать.

Она росла в монастыре — не в том, где молятся, а в том, где учат. Орден назывался Братством Зари. Они не носили ряс. Не молились. Они охотились. На вампиров. На тех, кто

прятался в тени, пил кровь, обращал людей в себе подобных. Они знали о вампирах всё: что они боятся солнца, что их кожа горит от огня, что они могут прыгать сквозь тени, превращаясь в серый дым. Что они сильны. Быстры. Бессмертны. Что кровь для них — как вода для человека. Что без неё они умирают — в агонии, в боли, в безумии.

И они знали, что вампиры не могут обращать людей просто так. Кровь действует на них как на акул — они теряют рассудок, выпивают всё до капли, не оставляя ничего. Только сильнейшие могли остановиться. Только древние могли создать себе подобного. И таких было мало.

Лилит была другой.

Она унаследовала силу вампиров. Их скорость. Их жажду. Их бессмертие. Но её кожа не боялась солнца. Её глаза не горели в темноте. Её тело не рассыпалось в прах от огня. Она была гибридом. Человеком и монстром. Светом и тьмой.

Радим учил её всему. Как держать меч. Как читать следы. Как чувствовать вампира за версту. Как контролировать жажду. Как ненавидеть тех, кто убил её мать. Как верить, что она — не монстр. Что она — спасение.

— Ты не такая, как они, — говорил он ей, когда она была маленькой. — Ты лучше. Ты — наша надежда.

Лилит верила ему. Всегда верила. Потому что он был её центром мира, её отцом, её семьей.

Глава 3: «Воспитание»

Ей было семь, когда она впервые убила.

Не вампира. Вампиров в ту пору в окрестностях монастыря не водилось — Радим вычистил их всех ещё до её рождения. Это был человек. Разбойник. Один из тех, кто грабил обозы на тракте, жёг деревни, забирал женщин. Братство выследило его, загнало в овраг. И привело её.

— Смотри, — сказал Радим. Он стоял позади, положив руку ей на плечо. Тяжёлую. Тёплую. Надёжную. — Смотри внимательно.

Разбойник сидел на дне оврага. Руки связаны. Лицо разбито. Он плакал. Просил. Обещал всё — деньги, золото, верность. Он говорил, что у него дети. Что он не хотел. Что его заставили.

Лилит смотрела на него. Она не чувствовала ничего. Ни жалости. Ни страха. Ни ненависти. Только холод. Станный, ровный, спокойный холод — как зимняя река подо льдом. Она знала, что он врёт. Она чувствовала это — как запах. Как вкус. Как что-то, что было внутри его слов, но не совпадало с ними.

— Ты знаешь, что он сделал, — сказал Радим. — Ты видела деревню. Ты видела тела. Ты знаешь.

Она знала. Братство показало ей всё — сожжённые дома, обугленные тела, могилы, в которых лежали дети. Они хоте-

ли, чтобы она поняла. Чтобы запомнила. Чтобы возненавидела.

Лилит не возненавидела. Она запомнила. Это было важнее.

— Сделай это, — сказал Радим. — Ты знаешь, как.

Она знала. Они учили её. Нож. Горло. Одно движение — быстрое, чистое, милосердное. Не из жалости. Из практичности. Мёртвый враг — побежденный враг.

Лилит шагнула вперёд. Разбойник поднял голову. Увидел её — маленькую, тонкую, с тёмными глазами и лицом, которое не выражало ничего. И замер. Может, она кого-то ему напомнила. Может, почувствовал, что что-то не так. Может, просто понял, что перед ним — не ребёнок.

Она сделала всё правильно. Одним движением. Быстро. Чисто. Как учили.

Кровь брызнула на снег. Разбойник упал. Затих. Снег вокруг него покраснел — медленно, как будто нехотя.

Лилит стояла над телом. Смотрела. Нож в её руке дрожал. Не от страха. Не от холода. От жажды. Она подкатила к горлу комом, сдавила грудь, растеклась по венам. Клыки вырвались сами собой — острые, голодные, детские. Она стояла. Терпела.

И не двинулась с места.

— Хорошо, — сказал Радим. — Ты сделала всё правильно. А теперь тебе нужно преодолеть себя.

Он забрал у неё нож. Вытер лезвие о снег. Убрал в ножны.

И обнял её. Крепко. Как отец.

Лилит почувствовала, как бьётся его сердце. Как его кровь пульсирует под тёплой мягкой кожей. Она хотела крови. Не просто крови — его крови. Того, кто держал её на руках. Того, кто учил её ходить. Того, кто называл её дочерью.

И это было страшнее всего.

Но она сдержалась. Не причинила ему вред. Не могла.

В ту ночь она впервые почувствовала, что значит быть по-настоящему на краю пропасти. Жажду. Настоящую. Не ту, что скреблась внутри перед тем, как ей приносили стакан свежей крови — тихо, привычно, как старый пёс на цепи. А другую. Дикую. Голодную. Хищную.

Она не сказала Радиму. Он не спрашивал. Но она видела, что он знает. По тому, как он смотрел. По тому, как он крепче сжимал её руку. По тому, как он молчал и гордился её волей.

Годы шли. Лилит росла. Не как человек — быстро. Слишком быстро. В семь лет она выглядела на десять. В десять — на пятнадцать. В двенадцать — на двадцать. Она остановилась к пятнадцати годам от роду. И больше не менялась. Ни морщин. Ни седины. Ни старости. Только глаза — тёмные, глубокие, как колодцы без дна. Глаза, которым предстояло увидеть слишком много.

Братство учило её всему. Она знала все приёмы боя — от грубых, простых, до сложных, изящных. Она умела читать следы, чувствовать вампиров за версту, различать ложь в го-

лосе, запах крови в воздухе. Она знала яды, которые убивали, и травы, которые заглушали жажду. Она знала всё о своих сородичах — их слабости, их привычки, их страхи. И свои. И от того становилась непобедима.

Она знала, что они боятся солнца. Что их кожа горит от огня. Что они могут прыгать сквозь тени, превращаясь в серый дым. Что они пьют кровь, потому что без неё умирают — в агонии, в боли, в безумии. Что они не могут обращать людей просто так — только сильнейшие, только древние, только те, кто контролирует себя. Что таких — единицы. И именно они — первостепенная цель ордена. Её цель.

Она знала всё. Кроме одного.

Почему она — другая.

Она спросила Радима, когда ей было четырнадцать.

— Почему я не такая, как все?

Они сидели в библиотеке монастыря — большой, холодной, пропахшей пылью и воском. Радим читал ей об истории государства. Лилит смотрела на него и внимательно слушала. В перерывах между тренировками и охотой — это были самые счастливые мгновения в её жизни. Словно она нормальная. Словно она такая, как все.

Радим отложил книгу. Посмотрел на неё. В его глазах — уставших, но живых — было что-то тёплое. Что-то, что Лилит знала с детства. Она — любима.

— Ты особенная, — сказал он. — Сами боги послали тебя в самое тёмное время для наших братьев и сестёр. Никто не

ответит тебе на вопрос, почему именно ты, дитя моё. Но вот что я могу сказать — боги не ошиблись, когда выбрали тебя. Ты — лучшее от обоих миров.

Радим вздрогнул, когда Лилит обняла его. А потом в его глазах появилась глубокая скорбь. Но Лилит не видела её. Она была счастлива.

А он смотрел на неё — долго, молча, как смотрят на то, что придётся потерять.

— Помни, что ты сама решаешь, кем быть, дитя, — сказал он. — Я дал тебе всё, что мог. Дальше начинается твой путь. Теперь я могу помочь тебе только наставлением.

— И я благодарна тебе за всё, — сказала она. — Спасибо, что научил меня истреблять этих мерзких чудовищ, убивших мою матушку. Я не остановлюсь, пока не убью каждого из них. Если Бог есть — он давно отвернулся от этого мира. Или смотрит — и смеётся. Но я готова выполнить его работу.

Радим хмыкнул. А потом замолчал. Надолго. Потом вздохнул. Положил руку ей на голову. Погладил. Как ребёнка. Как дочь.

— На твоём пути будет много испытаний, — сказал он. — Тебе многое предстоит увидеть. Ещё больше придётся делать сложных выборов. Но всегда помни главное — ты не монстр, Лилит. Ты — спасение. Ты — надежда в этом мире отчаяния. Ты — то, что остановит их. Всех.

— Я люблю тебя, папенька.

Радим замер. Рука на её голове застыла. Старое сердце

забилось чаще.

— Что ты сказала?

— Я сказала, люблю тебя, папенька. — Она прижалась к нему сильнее, словно он не безжалостный убийца, а простой отец, а она — не совершенный охотник, а обычная девушка.

Радим обнял свою девочку.

— Помни, Лилит, — сказал он. — Любовь опасна — она может слепить. Особенно таких, как мы.

Он не сказал: «Я люблю тебя». Ни разу. За все эти годы. Но она все равно знала...

Глава 4: «Семья»

Радим умер зимой. Тихо. Во сне. Ему было семьдесят два — по человеческим меркам, глубокая старость. По меркам Лилит — мгновение. Она знала его всю свою жизнь. Она не помнила мира без него. И вот его не стало.

Она сидела у его постели, когда он уходил. Держала его руку — сухую, лёгкую, почти прозрачную. Смотрела, как его грудь поднимается всё реже. Как дыхание становится тише. Как глаза — те самые, что смотрели на неё с теплом и скорбью — гаснут.

Он не сказал ей ничего важного. Ни «прости», ни «я люблю тебя». Просто смотрел. Долго. Молча. А потом улыбнулся — слабо, едва заметно — и закрыл глаза.

Лилит не заплакала. Она не могла. Но что-то внутри сломалось. Тихо. Беззвучно. Как ветка под снегом.

Она похоронила его сама. В лесу, за монастырём, под старой елью.

Лилит стояла над могилой, пока не замёрзла земля. Потом ушла. Не оглянувшись.

Через два года её вызвали в зал совета. Она знала этот зал с детства — холодный, тёмный, с длинным столом и картой мира на стене. За столом сидели старшие. Те, кто управлял Братством. Те, кто контролировал её. Те, кому она подчинялась.

Их было семеро. Все — старики. Все — люди.

— Лилит, — сказал первый. Седая борода, глубокие глаза, голос как скрип несмазанной двери. — Позволь выразить благодарность за твою службу. Радим не ошибся в тебе, он был великим воином. Ты достойна его памяти.

Лилит кивнула. Молча. Она не любила этих людей. Но уважала.

— Мы вызвали тебя не для соболезнований, — продолжил второй. Женщина. Худая, с острым лицом и глазами, которые мигали слишком часто. — Мы вызвали тебя, потому что пришло время.

— Время? — переспросила Лилит. Ровно. Без эмоций.

— Время расширить нашу работу, — сказала женщина. — Ты одна. Ты сильна. Но ты не везде успеваешь. Вампиры возвращаются. В других землях. В других странах. А в битве под Ильхимерией ты была на волоске от гибели. Тебе нужна помощь.

— Всё было под контролем, — раздраженно сказала Лилит. Она не любила, когда её отчитывают за ошибки. — Мне не нужна помощь, просто дайте следующую цель.

— Ты была послана нам богами, — сказал третий. Молодой — по их меркам. Лет пятидесяти. С гладким лицом и янтарными глазами. — Но мы изучили твою природу. Спустя пол века мы наконец поняли, как это работает. Мы можем повторить.

— Повторить? — эхом отозвалась Лилит.

— Да, — сказал третий. — Мы можем создать таких же, как ты. Идеальных охотников.

Лилит молчала. Долго. Слишком долго. До этого момента она была единственной, избранной, а что теперь? Она просто результат ошибки природы, которую можно повторить?

— Можете или уже создали? — спросила она наконец.

Тишина. Семь стариков переглянулись. Никто не ответил.

— Они выжили? Сколько их? — повторила Лилит. Громче. Холоднее.

— Четверо младенцев, — сказала женщина. — Как только они достигнут сознательного возраста — орден начнет их обучение. Как когда-то обучал тебя.

Лилит закрыла глаза. На секунду. На одну секунду.

Каким образом они создали мне подобных? — подумала она. — *Они обратили беременных женщин? Чтобы создать новое оружие?*

Она открыла глаза. Посмотрела на стариков. На каждого. Медленно. Как смотрела на вампиров перед тем, как убить.

— Где они? — спросила она.

Их было четверо. Выживших. Из трёхсот. Лилит конечно же не знала этого. Из трёхсот младенцев. Четверо. Двое мальчиков. Две девочки. Самому старшему — двенадцать дней. Самой младшей — три.

Лилит смотрела на них через стекло. Они лежали в комнате — чистой, светлой. Как обычные дети. Как нормальные дети. Но она видела: они другие. Бледнее. Тише. Глаза —

взрослые. Слишком взрослые для их времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.